

Часто их называют героями наших дней, нашими замечательными современниками. Это правильно, конечно, но сами о себе они говорят скромно: сталевар (или шахтер, ткачиха, строитель) — ударник, члены бригады коммунистического труда. И эти скромники, строгих, четких слов достаточно, чтобы перед нами возник облик передового человека страны, аступившей в период разветвленного строительства коммунизма.

Черты этого облика определяются на наших глазах в деловой и стремительной повседневности, они еще не всегда отчетливы и совершенны, но процесс становления нового человека становится все более зримым.

Завтра эти люди новой формации соберутся в Кремле на свое первое Всесоюзное совещание и расскажут о себе, своих делах и замыслах. Можно не сомневаться, что эти рассказы будут увлекательными. Сообще они как бы набросают во весь рост портрет нашего современника.

Споры о том, каким должен быть «положительный» и даже «идеальный» герой, возникали у нас нередко, но, пожалуй, они никогда не были такими горячими, какими стали в первые же дни нашей свингетик. И если обычно эти споры не выходили за рамки творческих дискуссий «мастера» человековедения — литераторов и работников искусства, и страсти разгорались вокруг того или иного художественного произведения, то теперь дискуссии шли и идут не о том, удачен или неудачен тот или иной образ, созданный художником, а о том, каков есть и каким должен быть советский человек.

Замечательное это движение возникло всего лишь года полтора назад, и начинающееся завтра совещание впервые подведет какие-то общие итоги того, что уже сделано. До сих пор накопленный в бригадах опыт изучался не так уж широко, и поэтому естественно, что предстоящая встреча в Кремле привлекает к себе всеобщее внимание.

Но и те, подчас разрозненные и еще недостаточно изученные вести с заводов, фабрик, шахт, строительных площадок, которые идут отовсюду, говорят о том, что в бригадах коммунистического труда происходят явления огромной значимости. Об этом, в частности, свидетельствуют и две встречи участников этого движения с писателями, состоявшиеся в стенах редакции «Литературной газеты» полтора с лишним года назад и совсем недавно.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й № 62 (4187) Четверг, 26 мая 1960 г.

Цена 40 коп.

ЗАВТРА—ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПЕРЕДОВИКОВ СОРЕВНОВАНИЯ ЗА ЗВАНИЕ БРИГАД И УДАРНИКОВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Разумеется, и тогда наряду со стремлением воспитывать у каждого высокие моральные качества и заглядывать в будущее возникали и очень деловые, конкретные, прозаические организационные вопросы.

Серьезный упрек сделан на встречах в адрес писателей: мало, очень мало отражена жизнь бригад коммунистического труда в художественных произведениях. Почему? Этот вопрос задавали многие, и надо сказать — ответить на него было трудно. В самом деле, почему? Ведь даже простые рассказы передовиков этого замечательного движения свидетельствуют, как много интересного, важного, нового можно видеть в жизни этих бригад. А ведь художник увидит значительно больше. И надо, чтобы он это сделал полнее...

Всем нам хорошо памятно Обращение июньского Пленума ЦК КПСС ко всем трудящимся Советского Союза, в котором ударники коммунистического труда названы разведчиками будущего. Долг писателя идти плечом к плечу с этими славными разведчиками, смотрящими вперед.

НА СНИМКЕ: бригада модельщиков Московского завода малолитражных автомобилей, борющаяся за право называться коммунистической бригадой. В первом ряду: М. С. Борисов, В. Я. Букреев, В. Е. Варфоломеев, А. Д. Сусоров; (второй ряд): М. В. Ишутин, И. И. Лазарев, Ф. И. Мельник и А. Г. Поздняков. Фото А. Князева

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Завтра, 27 мая, в Москве открывается Декада молдавского искусства и литературы, которая является фактически первым полным обзором достижений культуры молдавского народа.

Программа молдавской декады разветвлена и разнообразна. Здесь представлены опера, балет и драма, симфоническая и народная музыка, изобразительное искусство и фотографии, богатое народное творчество и полиграфия, наконец, все виды и жанры литературы — проза, поэзия, драматургия, критика... Всего лишь несколько лет существует Молдавский государственный театр оперы и балета, ядро которого составили питомцы консерватории Ленинграда, Кишинева, Харькова и других городов страны. Теперь это уже зрелый творческий коллектив. Театр открывает декаду оперой Д. Гершфельда «Грозавен».

Молдавский государственный музыкально-драматический театр имени А. С. Пушкина и Русский драматический театр имени А. П. Чехова занимают столичные зрители со многими своими спектаклями, в том числе с пьесой Ем. Букова «Бурлящий Дунай», а также с комедией молдавского поэта П. Даренкис «Когда зреет виноград».

Для участия в литературной части декады в Москву прибыла большая группа писателей Молдавии. Литературная часть декады открывается в субботу, 28 мая, в Колонном зале Дома Союзов. Затем в театре молдавской литературы состоится в ЦПКИО имени Горького, в Зеленом театре ЦДСА, на заводе «Шарикоподшипник», в МГУ, в Центральном Доме литераторов, а также в городе Красногорске и в колхозе имени Ленина Ленинского района, Московской области.

ИГРАТЬ С ОГНЕМ ОПАСНО!

Союз писателей СССР получил телеграмму от Союза китайских писателей, подписанную председателем союза тов. Мао Дунем.

«Послав разведывательный самолет «У-2» в воздушное пространство Советского Союза, распорядившись американские танкетки пренебречь справедливыми и разумными требованиями Советского правительства: называя на протесты и осуждение миролюбивых народов социалистического лагеря и всего мира, игнорируя общепризнанное международное право, они пошли на бессланную провокацию. Следуя логике, они открыто объявили проведение агрессивных шпионских полетов политикой США, нагло отказались нести ответственность за свой преступный акт. Они отказались дать должную гарантию о неповторении подобных действий и принести извинения правительству и народу Советского Союза. И, наконец, они сорвали совещание глав правительств четырех держав».

Американские империалисты, говорят далее в телеграмме, прикрывались маской миролюбия, изыскивали согласие участвовать в совещании глав правительств четырех держав, но вместе с тем они никогда не прекращали конспирологическую и подготовку к войне, постоянно чинили всякого рода препятствия совещанию на высшем уровне, распространяли пессимистические слухи о неизбежности его провала.

«Теперь американские агрессоры пытаются переложить на правительство Советского Союза ответственность за срыв совещания глав правительств четырех держав. Такой прием — выдавать черное за белое — верх бесстыдства. Мы, писатели Китая, как и миролюбивые люди всего мира, решительно поддерживаем справедливую и твердую позицию, занятую правительством Советского Союза во главе с товарищем Хрущевым... Мы считаем, что посягательство на Советский Союз — это посягательство на Китай, посягательство на весь социалистический лагерь». Если империалисты будут упорствовать в своих заблуждениях, то их ждет плачевная участь тех, кто играет с огнем, подчеркивается в телеграмме.

В заключение писатели КНР отмечают, что состоявшиеся в Китае многочисленные демонстрации против агрессивных действий США и срыва этого совещания глав правительств — это яркое свидетельство решимости китайского народа идти плечом к плечу с советским народом в его справедливой борьбе.

ВОЙНЕ НАНЕСЕН УДАР

КОГДА — впервые за все время существования мира — человек простер руку к Луне, мы приветствовали это событие как шаг спасения человечества, как начало преобразования отношений между народами, как начало новой эры, которая, как мы полагаем, в ближайшем или более отдаленном будущем увидит исчезновение насилие как средства урегулирования человеческих споров.

Теперь мы стали свидетелями другого события: американский летчик Пауэр совершил полет над территорией СССР. На высоте в 20 тысяч метров его самолет был сбит первой же выпущенной в него ракетой. Хрущев разработал этот агрессивный акт, а американский госдепартамент признал, что указанный полет действительно был совершен с шпионскими целями и что он представляет собой лишь одну из бесчисленных попыток регулярно предпринимаемых с теми же целями в советском небе американскими летчиками на протяжении четырех лет... Однако случившееся несколько не опровергает тех суждений, которые мы высказали в сентябре 1959 года. Совсем напротив.

Дело это заслуживает подробных комментариев, аспекты его многообразны и представляют исключительный интерес. Взять, к примеру, тот факт, что до признания совершенного преступления Никита Хрущев сел буквально выступать с заявлением о непричастности к этому делу президента Эйзенхауэра (а госдепартамент в своем заявлении поспешил подтвердить это предположение уже от своего имени). Как же это понять? Значит ли это, что советский государственный деятель лишь постарался помочь президенту Соединенных Штатов найти достойный выход из создавшегося положения, или, быть может, это и впрямь соответствует действительности? Если верно последнее, то над нами нависает страшная угроза. Выходит, что американская разведка — военная или гражданская, все равно, — способна, вопреки воле Эйзенхауэра, начать мировую войну! Как бы то ни было, действия главы Советского правительства безусловно вызваны дипломатическими соображениями, продиктованными неуверенностью заботой о мире, — и одно это уже многое значит.

Впрочем, мне хотелось бы несколько остановиться на одной стороне этой проблемы. СНАЧАЛА первым побуждением американского правительства было опровергнуть, как частную пропаганду, и притом пропаганду оскорбительного свойства, само предположение, что какой-нибудь шпион может предпринять полет над советской территорией по заданию Соединенных Штатов. Но не прошло и трех дней, как американское правительство было вынуждено признать этот факт. Причем, как самый обычный факт, систематически повторяющийся на протяжении четырех лет.

Я не намерен задерживать внимание читателя на попытке морально оправдать шпионаж ссылкой на интересы обороны Соединенных Штатов. Я согласен с господином Роже Массини из «Фигаро», что такие оправдания вызывают чувство невольности. Вор, пойманный с поличным, вряд ли добьется снижения наказания, если заявит, что не он один занимается воровством. Но я хотел бы просто заметить здесь, что до сих пор ни одно суверенное правительство не решалось выступить с официальной реабилитацией шпионажа, издавая за служившего моральное осуждение обществу. Правда, в западном мире встречаются писатели, прославляющие шпионаж в своих романах. С другой стороны, верно и то, что в Советском Союзе нет ни романов, ни фильмов, героями которых были бы шпионы.

Мы сами понимаем, насколько убедительны приведенные факты. Но не в этом дело. ДЕЛО в том, что правительство Эйзенхауэра признало: на протяжении четырех лет оно покрывало организованное шпионское действие (возможно, даже не будучи в курсе отдельных «деталей»). На протяжении четырех лет? Сейчас у нас весна 1960 года. Следовательно, начало этих действий относится к первым месяцам 1956 года. Были ли они вызваны какой-нибудь причиной? Что побудило американское правительство прибегнуть к таким средствам?

В начале 1956 года в Советском Союзе состоялся XX съезд КПСС, на котором устами Никиты Хрущева был разоблачен «культ личности». Это был смелый шаг, свидетельствующий о доброй воле и честности руководителей Советского Союза, об их стремлении к миру. Имеются все основания полагать, что госдепартамент ответил на этот шаг попыткой использовать в своих целях растерянность, которая, по его мнению, должна была царить в социалистическом лагере. Все его психологические расчеты строились на этом, и весьма показательны в этом смысле события, разразившиеся в октябре того же года в Венгрии. Попытки подорвать строй социалистических стран с помощью радиопередач «Голоса Америки», таким образом, сопряжались и другими, секретными действиями более важного порядка, характер которых нам теперь известен. Когда Соединенные Штаты сетуют

на чрезмерную секретность, которой в Советском Союзе окружены некоторые вещи, и пытаются мотивировать этим необходимость шпионажа, остается только улыбнуться. Можно лишь прибавить к сказанному: вполне естественно, что советские люди не питают к американцам такого доверия, которое позволило бы последним заниматься шпионажем, не заезжая в облака.

ЧИРИКАНСКОЕ правительство поимало с поличным. Это, разумеется, любопытно, но самое главное мы усмотрели в другом. В том, что впервые в истории на глазах у всех обнаружены и блокированы тайные пути, ведущие к войне. С этой точки зрения попадание советской ракеты в самолет накануне запусков другой ракеты на Луну, осуществленного восемь месяцев тому назад. То первое достижение было лишь мягким увещанием, обращенным к разуму людей. На этот раз предостережение уже не относится к людям вообще — оно непосредственно адресовано тем, кто, судя по всему, не понимает невозможности для них новой мировой войны, сколько бы ни печалил их этот факт.

Запустив ракету на Луну, Советский Союз не только дал всему миру свидетельство своей огневой и боевой мощи, но и показал потрясающий пример меткости прицела на огромных расстояниях. Сбив самолет Френсиса Пауэрса, этого «законченного молодого американского спортсмена», как его называет газета «Фигаро», сбив его сразу первой выпущенной по нему ракетой, Советский Союз вынуждает тех, кто восемь месяцев тому назад отказался понять другое, несравненно более политическое предупреждение наконец убедиться в том, что отныне они лишены возможности продолжать свою опасную игру и им придется прекратить ее.

С этой точки зрения и следует рассматривать заявление госдепартамента, опубликованное накануне совещания в верхах. Оно позволяет надеяться, что правительство генерала Эйзенхауэра не пойдет за авантюристскими элементами, пытающимися увлечь его на путь, который ему не по душе. Каков этот путь, со всей ясностью объяснил господин Гарольд Стассен, которого считают рупором президента Соединенных Штатов: он заявил, что Пауэрса послала в советское небо с очевидным намерением сорвать совещание в верхах. Прав он или нет, — виднее ему самому. Но смысл заявления госдепартамента может заключаться только в одном: оно содержит заверение, что правительство США стремится к миру. А если так, то следует ожидать, что оно откажется от той непримиримости в вопросах разоружения, и в германском вопросе, о которой оно на все лады трубило месяц подряд, побудив руководителей некоторых других государств последовать своему примеру.

РАКЕТА, сбившая самолет «молодого американского спортсмена», одновременно рассеяла слуховую завесу, о которой говорил Жюль Верн. Отныне политические действия, представляющие крупнейшие государства на совещании в верхах, ничего не смогут скрыть от своих народов. И если они сорвут совещание в верхах, им уже не удастся, как они делали это в прошлом, кричать, что это сделал другой нехороший мальчик.

И пусть они вспомнят про участь Гитлера или хотя бы — судьбу своего приятеля Ли Сян Мана. P.S. Статья эта была написана сразу после того, как радио передало ошеломляющее сообщение американского правительства, признавшего в шпионском акте, совершенном летчиком Пауэрсом. В этом признании учитывалось великодушное заявление Никиты Сергеевича Хрущева о непричастности к этому делу президента Эйзенхауэра. С тех пор события изменили обстановку. Известно, что на совещании в Париже американские руководители предприняли попытку оправдать и закончить шпионаж как метод обеспечения безопасности «Запада». Случившееся, разумеется, не может изменить точной зрения, легшей в основу данной статьи, но безусловно придает особый вес предостережению, содержащемуся в ее заключительной фразе. Дело в том, что народы хотят мира, и поджигателям войны отныне придется считаться с ними. События в Японии и Турции, выступление представителей значительной части американской общественности после провала совещания показывают, что смириться на Гитлера и Ли Сян Маня отнюдь не исключено. Будущее может лишь подтвердить их справедливость. Луи АРАГОН ПАРИЖ, 25 мая. (По телефону)

Советские женщины борются

Вот ЖЕНЩИНА. Ей сорок три года. Пожалуй, можно было бы дать и меньше. Но здесь ее дочь Люба. В сиянии ее юности лицо матери тускнеет. И видно, что время и беды оставили на нем свой грустный след.

Женщина, по судьбе которой прошла война. «Он ушел, когда я ждала ребенка. Он не выдал дочери... Вероятно, эти слова о погибшем муже она говорила часто. Реже другим. Чаще себе. Женщина, красивая, деятельная, способная, больше не нашла себе друга. Солдатская вдова. Одинокая. Одна из тех, кто вошел в горькую строку статистических обобщений: соотношение мужчин и женщин в результате, главным образом, второй мировой войны — 45 процентов мужчин и 55 процентов женщин... Как сложилась жизнь? История простая, обычная, глубоко человеческая. Женщина трудилась рядом с другими людьми. В порыве, общем для всех. И эта общность утешала, спасала, подымала. Как назвать, как определить те черты характера, которые позволили этой женщине с достоинством, не шиа и не вызывая сожаления, перенести горе, собрать силы, слить их с усилиями товарищей по труду? Мы сказали бы «мужество», — хотя весь облик Веры Ивановны Назаровой исполнен чистой и трогательной женственности. И мы сказали бы еще: чувство своего времени, чувство единства со своим народом. Рабочая слава Назаровой, родившаяся в старых корпусах Наро-Фомин-

ОПОЯСАВШАЯ ПЛАНЕТУ

Ирина ГУРО

Что же, корень успеха — в опыте, в этой мобильности всего существа работницы в границах ее рабочего места? Или, может быть, в навыках, приобретенных женщинами? Может быть, пошла впрок наука: ФЭУ, курсы усовершенствования?

Когда я спросила об этом Веру Ивановну, она с сомнением покачала головой: да, конечно, все это... И все же главное не в том...

И вдруг она произнесла слова, которые мгновенно осветили и вопрос, и весь образ этой женщины. Она сказала: «Просто надо иметь рабочую совесть...»

И словно крупным планом в кино, встали факты, содержание которых раскрыли эти слова.

Вот эти факты: их знает вся фабрика, весь город, вся область. Уже около двух лет Вера Ивановна Назарова не выпускает ни одного метра ткани с браком или такой, которую можно было бы отнести к низкому сорту. Выпускала больше ткани, Назарова получала больший заработок. Она могла бы выпустить больше? Да. Но цена этого допуска брака или худшего качества. Ее рабочая совесть не позволяет ей этого. Не для корысти, не во имя выгоды работают все лучше и лучше люди, подобные ткачихе Назаровой. Люди коммунистического сознания. Опора нашего государства. Столпы нашего общества. Его корень и его цвет. И снова я вижу Веру Ивановну в другом, так сказать, измерении: в ее общественной функции. Как человека, облеченного всеобщим доверием, председателя бытовкой комиссии на фабрике. Вера Ивановна награждена «...за достижение высоких показателей в труде и плодотворную общественную деятельность».

Злободневный кинофильм: наблюдения генерала из Пентагона... Рисунок художника КАНОВИ из итальянской газеты «Уинта»

ХЛОПОТЫ ЭТИ НЕСУТ РАДОСТЬ

БЫТЬ МОЖЕТ, довелось вам, читатель, побывать в южноуральском городе Орске.

Крошечная точка, обозначавшая его, была и на картах доволюционной России, но Орск, по сути дела, выстроен и заселен в годы Советской власти. О каком на самом деле городе могла идти речь, если до революции в Орске насчитывалось всего 13 тысяч жителей, один врач и пять фельдшеров, а на нескольких карликовых заводиках в общей сложности работало 190 рабочих? После революции в Орске и в его окрестностях выросла крупная промышленность. Население города увеличилось до 176 тысяч. Появились новые, асфальтированные улицы, многоэтажные дома со всеми современными удобствами: театр, кино, клубы, больницы...

И все-таки Орск некрив и неудобен. Меж городских районов залегают заболоченные пространства, которые веснами заливаются река Урал.

Такая разобщенность районов доставляет немало трудностей жителям. Чтобы побывать, например, в гостях у знакомых, живущих в другом районе, съездить навестить больного в городскую больницу, сходить на рынок, нужно предпринять целое путешествие!

Почему же в таком большом промышленном центре возникла странная и неудобная планировка?

Ведомства, строившие заводы и фабрики в городе, беспокоились только о собственных интересах. Общего плана застройки города и его районов не было. Строились лишь планы постройки отдельных заводских поселков, из которых позже и выросли городские кварталы. И вот результат — Орск уже требует реконструкции.

С тех пор как партия и правительство покочились с ведомственной чересполосицы, создали во всей стране систему экономических районов, появилась возможность претворить в жизнь единственно правильный научный принцип градостроительства — принцип комплексной планировки.

Это означает, что ныне строительство новых городов, так же как развитие и реконструкция уже существующих, должно быть лишь частью общей застройки целого экономического района и органически связано со всеми другими его населенными пунктами и промышленными предприятиями. Любый город должен строиться, расти и развиваться по заранее определенному, научно обоснованному градостроительному плану, при разработке которого следует учитывать все особенности промышленности, транспорта, дорожной сети, климата, местности и т. д.

Не так давно Совет Министров РСФСР утвердил схему районной планировки.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПРЕКРАСНЫЙ ЗАМЫСЕЛ И ЕГО ВЫПОЛНЕНИЕ»

Под таким заголовком в № 25 от 27 февраля в «Литературной газете» было опубликовано письмо группы жильцов 8-го квартала в Новых Черемушках. В письме говорилось о недостатках в планировке некоторых корпусов, о неудобствах, недопустимых в экспериментальном квартале.

В связи с этим выступлением редакция получила письмо начальника Архитектурно-планировочного управления Москвы тов. Ловейко. Он сообщает, что материалы выступления газеты проверены специальной комиссией Архитектурно-планировочного управления и Госархстройконтроля. Комиссия установила наличие ряда технических дефектов, на которые правильно указывали авторы письма в «Литературной газете». Комиссией решено принять меры для компенсации повышенных теплопотерь в торговых кварталах корпусов, выванных, главным образом, завышенным объемом весом некоторых керамзитобетонных панелей.

По распоряжению Мосгорисполкома Главогстрой должен выполнить необходимые работы по устранению обнаруженных дефектов.

В зоне Красноярской ГЭС будет сооружено здание и реконструировано 16 корпусов. В каждом из них будет по 75—250 тысяч жителей. Города эти выстроят в трех крупных промышленных узлах — Челябинском, Красноярском, Канско-Иланском.

Районная планировка помогает сэкономить огромные средства, правильно использовать естественные ресурсы без ущерба для природы и вместе с тем удобно, комфортно устроить жизнь и быт людей.

Ученые градостроители подсчитали, что все удобства, все культурные учреждения, все виды городского транспорта экономически выгодно создавать в городе с населением от 100 до 300 тысяч жителей.

В таком городе можно будет открыть театр, филармонию, консерваторию, панорамные и широкоэкранные кинотеатры, телецентр, мощную радиостанцию, отлично оборудованный стадион на несколько десятков тысяч зрителей, закрытые спортивные бассейны для плавания, парки культуры и отдыха, выстроить обсерваторию и даже финишу, если город расположен в горной местности. В нем можно будет построить комфортабельные дома самых различных типов, предназначенные и для семейных людей, и для холостяков, и молодоженов, и для престарелых, и для инвалидов... В нем можно будет организовать научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения...

Словом, все то, чем располагает житель любого ныне существующего города-гиганта, вроде Москвы и Ленинграда.

А если город будет больше? Быть может, стоит расширить наши старые города? Увеличивать их население?

В самом деле, в старом, давно существующем городе много уже есть: и канализация, и водопровод, и телефон, и разные культурные учреждения. Стоит лишь продлить улицы, надстроить дома — и без особых затрат можно создать все условия для новых жителей. Но оказалось, что приток городского населения в больших городах все годы намного опережал приток жилой площади.

В этих городах жилья и поныне остро не хватает, несмотря на постоянные героические труды наших строителей, несмотря на огромные средства, которые отпускаются на эти цели.

Но дело не только в жилищном кризисе.

Город растет сразу в трех измерениях — в длину, в ширину и в высоту. Появляются улицы-коридоры, дворы-колодцы. Ошибки, которые совершили градостроители далекого прошлого, усугубляются и ощущаются все явственней... Ближайшие пригородные зоны постепенно сливаются с самим городом и, несмотря на искусственные границы, их разделение, не могут служить местом отдыха горожан. О том, к примеру, что превратилось леса и веси, которые еще недавно служили местом отдыха москвичей, можно судить хотя бы по тому, что в пригородной зоне Москвы насчитывается тридцать два города с населением почти в полтора миллиона человек. Многие из этих городов, как, например, Бабушкин, слились с Москвой и фактически составляют с ней единое целое. Таким образом, наша столица давно уже разорвала ставшие ей тесными рамки, перешагнула через собственные официальные рубежи и превратилась в «Большую Москву».

Но этого мало — в городе-гиганте трудно обеспечить удобный городской транспорт.

В действительности же оказывается, что многие проектные организации и совнархозы планируют расширение как раз тех городов, которые и без того перенасыщены.

В черте города Омска, например, в нынешней семилетке предполагается построить много крупных предприятий. В результате население самого Омска вырастет в ближайшее время на несколько сотен тысяч человек. А вот окружающие этот и без того крупный город местечки и поселки изменяются сравнительно мало.

Здесь, как видно, нарушен принцип комплексного проектирования района. Похожая картина наблюдается и в других крупных городах — в Горьком, в Новосибирске, в Куйбышевском и т. п.

А как быть с большими городами? Есть ли возможность улучшить условия труда и отдыха жителей крупного города с миллионным населением?

Да, есть! Прежде всего нужно застроить, разумеется, с соблюдением всех научных принципов современной планировки, те свободные площади, каких еще немало находится на окраинах любого нашего крупного города, а также и те площади, которые ныне заняты обветшалыми домами доволюционной постройки.

Надо подумать о расселении жителей центральных районов города в городках-спутниках, уравнивая права поселка в городе и в пригороде.

Надо прочно связать загородные жилые районы и города-спутники с основным городом быстрыми и бесперебойными круглогодичными транспортом, в самом городе проложить городские автомобильные дороги для быстрого движения пассажирского транспорта, а вокруг городов — кольцевые магистрали для транзита. Надо увеличить протяженность «вылетных» линий метрополитена. Уличные перекрестки освободить от светофоров и создать пересечения в двух уровнях, как это уже сделано в столице на Кутузовском проспекте и как будет сделано на площади Маяковского. Переходы для пешеходов надо упрятать под землю. Наконец, нужно убрать за пределы большого города все вокзалы и железнодорожные пути и на их месте построить улицы и разбить скверы.

Промышленная семилетка, рост населения городов, рост культуры и запросов советских людей несут много хлопот градостроителям... Это же хлопоты эти — радости.

ВПЕРЕД СМОТРЯЩИЕ

Эти юноши и девушки приехали в Свердловск из разных концов страны по комсомольским путникам. Пройдет немного времени, и здесь вырастает новый корпус Уралмаша. Сейчас на строительстве развернулось большое соревнование за звание бригад коммунистического труда.

КРАНЫ, ПРОЛЕТЫ... А ХАРАКТЕР?

МБ радуемся многому в нашей поэзии, но чувствуем, что еще не во весь голос отзывается она на один наш душевный запрос, давний и важный.

Мы обычно говорим не очень точно: «Наши поэты уделяют мало внимания рабочей теме». Иногда еще усиливаем эту неточность: тема труда, производственной теме. Но ведь в нашей поэзии ощущается не тематический провал, нет стихотворений и целых сборников, где бы речь шла о рабочих, их труде, не так уж мало. Надо говорить не столько о самой теме, сколько о выражении ее, о дорогих сердцу чертах поэзии, о поэтических и жизненных источниках, из которых рождаются эти черты.

Но вот несколько строк из статьи Валерия Дементьева «В Белозерье, родом краю...» («Октябрь», 1959, № 8), где о важности этой «рабочей теме» говорится даже в превосходной степени: «Мы довольно много, но, к сожалению, не всегда убедительно пишем о главнейшей теме советской литературы — теме труда».

Мне хочется продолжить цитату, потому что дальше как раз встретится та характеристика неточности, о которой я говорил: «...и радуемся удачам поэтов, которые сумели показать в поэзии, я бы сказал, сладость труда людей самых неприметных, неприятельных профессий — у них бы столяр или кровельщик. Сколько написано о них стихотворений только в послевоенные годы, а помнится все-таки давнишнее казисское «Живей, рубанок, шибче шарай» да его же «Рабочий май» («Стучу, стучу и молотком...»).

Хорошие стихи вспоминает В. Дементьев. Вспоминает задачу описания «сладости труда» людей различных профессий. Но, сформулировав задачу только таким образом, не ограничивая ли, не объединяя ли мы «главнейшую тему советской литературы», не упустим ли что-то еще, очень важное и ценное?

До революции наши рабочие хорошо умели варить, ковать, обтачивать металл. Но рабочий класс совершил Великую Октябрьскую революцию благодаря тем моральным качествам, которые сформировались в процессе трудовой жизни народа. И об этих качествах рассказывали нам горьковские «Мать», «Мещане», «Враги».

Мне кажется, поэтам, обдумывающим «рабочую тему», стоит чаще вспоминать замечательные слова, сказанные в 1913 году большевистской газетой «Рабочая правда» о великой украинской поэтессе Лесе Украинке:

«Добрая, вечная память писательнице — другу рабочих! Что может быть выше этих слов? Чем заслужила их поэтесса? Ведь в ее творчестве как будто и нет изображения «производственных процессов», которое у нас часто считается обязательным признаком того, что «автор уделяет много внимания рабочей теме».

Что же было главным в стихах и поэмах Леси Украинки? Ответ на этот вопрос можно найти там же, в «Рабочей правде»: «...её добрые произведения долго будут будить нас к работе — борьбе». Это, конечно, не полный ответ, не полная характеристика творчества поэтессы, но это — начало, основа ответа.

Не так уж много терринокон и дыма заводов в стихах Владимира Сосурова, но у каково это поэта так почувствует душу молодого революционного рабочего нашей страны? Однако, говоря о последнем времени, нам приходится обращаться уже не к поэзии, а к обывательной ее прозе — она может быть здесь хорошим учителем поэты. Так, в «Поднятой целине», романе, на первый взгляд, вовсе не на «рабочую тему», живет побывавший нам рабочий-путловец, боец, организатор, представитель и посланец своего класса Семен Давыдов. Мы плакали, сжимали кулаки — и восхищались тем, как неслухом Андрей Соколов, человек, наделенный лучшими чертами рабочего класса.

И задумывались о главнейшей теме, понимая, что будет правильнее, точнее, назвать ее не «рабочей темой», не производственной, не «темой труда», а темой рабочего класса. И говорить при этом, в первую очередь, надо о характере рабочего класса, его духе, характере, великой роли борца, организатора, вождя трудящихся.

Нам часто встречаются стихи, где много кранов, пролетов, штеби, астанад, есть как будто и люди, но без интересных, открытых поэтом человеческих черт. Правда, иногда видишь желание поэта сказать о величии рабочего человека, но выражается это только во внешних чертах.

Рабочий снял спячку, он освещен солнцем:

И в сады дна його спитиле тило
Меня заслоня на хвилю злотим,
— вот основная мысль в стихотворении Евгения Летука. Близи к этому и строчки Василя Маремпольского, который считает, что достаточно назвать доменщиков волшебниками, и задача изображения величия рабочего человека решена:

Все в звяжцях перевирено,
Бо ж вои, мов качлуні...
Встревожило мена и стихотворение Евгения Винокурова «Кузнец»:

Могучий малый в майке...
Взяв молот, поднял две руки,
И в ход пошла мускулатура,
Как порхин и маховик.

С испугом мы взираем нимо
На жили напряженных рук,
Но мощь железная система
Под молоткой встала вдруг...

...К ведру побрел вразвалку.
В саже,
Небритый, выпил полковша,
Ни разу не взглянувши даже
На нас,

застывших не дыша...
Здесь рабочий парень появляется как нечто диовинное, будто впервые увиденное. На мой взгляд, эти важные признаки, внешние детали не исчерпывают всей глубины образа рабочего человека.

Но, может быть, и в самом деле наши понятия несколько устарели, и ничего нет удивительного в том, что в некоторых стихотворениях рабочий класс рассматривается как группа людей определенных профессий, и только.

Рабочий класс — ведущая сила нашего советского общества. Недаром к нему на выручку идет наша молодежь. Тесное сближение с рабочим классом, умение проникнуться его духом даст закалку молодой поэзии.

ХАРЬКОВ Борис КОТЛЯРОВ

ЗАМЕТКИ ЭКОНОМИСТА

Звонкий позвун.

«Коровья операция»

Есть у экономиста безмолвные, но красноречивые собеседники. Вот и сейчас сижу над годовыми отчетами бреховцев колхозов, листаю справки, таблицы, ведомости и слышу, явственно слышу взволнованные, гневные голоса цифр. И с горечью вспоминаю: как это было? Как началось?

Началось это как будто бы хорошо. В самом начале прошлого года, когда на всю страну прозвучал голос рязанцев и в Бреховцев — центре крупного района Кубани — обдумали новые обязательства. И тогда-то Иван Ревенко (он за полгода до этого приехал в район и был избран первым секретарем райкома партии) выдвинул лозунг:

«Выполним за два года семилетку по животноводству.
За два года... Правда, Ревенко принял богатое наследство, и перспективы у бреховцев колхозов были самые радужные. Сказало то, что колхозы купили технику. Еще сказали высокие закупочные цены, которые в интересах колхозов установило правительство. Наконец, и год-то сам по себе был на редкость урожайным. Денежный доход бреховцев колхозов превысил сто сорок миллионов рублей — вырост вдвое против среднего годового дохода за минувшее пятилетие. Учетверилась сумма отчислений в недельные фонды, удвоилась выдача на трудодни.

Словом, район находился на взлете, но все-таки задача — семилетку за два года — настояла актив. Ревенко говорил:

«Иван Иванович, давайте подсчитаем трезво. Пятидесятая по востной год в смысле погоды был выдающимся, а не средним, — нельзя его брать за образец. Еще не известно, каким будет год пятдесят девятый! И потом, семилетку ты составлял не с козидачки, а учитывая реальные возможности колхозов. Конечно, нужно сократить срок. Но в два года».

Непреклонен был первый секретарь. Мыслить надо по-государственному, товарищи! Рязанцы замаяхнулись

Василий РОЖИН, научный сотрудник Института экономики Академии наук СССР

на три годовых плана, а мы чем хуже? — Но у рязанцев расчет.
— И мы мобилизуем все силы! Да если мы выполним, — район первым заремит на весь Советский Союз.

Это было очень заманчиво — «зареметь на весь Советский Союз». И члены райкома, и председатели колхозов, не желая прослыть консерваторами, проголосовали за новое обязательство. Некоторые голосовали скрепя сердце, но голосовали...

И тогда же, зимой, началась массовая закупка коров у населения. Цель — увеличить молочное стадо колхозов. Сама по себе закупка выглядела делом полезным и прогрессивным. Поставить «личных» буренок на общественных фермах, освободить колхозниц от непосильной тяжелой домашней работы, — да разве это худо? И передовики делали так! И Прозоров в Кировской области, и Посмитный на Одессине, и Калининцы... Когда колхозники села Калининца, построив коровник и заготовив корма, свели коров на ферму, а колхоз взял на себя снабжение всех колхозников молоком, — Никита Сергеевич Хрущев похвалил их за это.

Но тут же, точно предвидя, как решат горячие головы в Бреховцевой, Первый секретарь Центрального Комитета партии предостерег: «Эту работу надо проводить умело, не административным путем, не предписаниями сверху, а только по мере роста общественного производства, по мере того, как колхозники сами убедятся, что с продажей коров их материальное положение не ухудшится, а улучшится».

Взяв бы бреховцевым руководителям этому предупредили!

Но уж слишком сильно было желание «прогретей».

Верно, бреховцевые колхозники не разделяли восторгов руководителей. На первый взгляд, это было странно: колхозница, та самая колхозница, которую продажа коровы избавляла от забот, с удивительной чепкостью держалась за рога своей буренки.

— Отставай люди! — гневались на колхозников районные руководители. — Не понимают! Надо нажать!

Ох, это «нажать!» Как охоту прибегают к нему рязанцы и к славе работников, и как часто оно их подводит! Нет, вовсе не от отсталости, а из-за здравого смысла не хотели в то время продавать коров бреховцеве женщины!

Они видели, что фермы не готовы к приему скота: нет ни помещений, ни доярок. Они видели, что и колхозы не готовы к тому, чтобы взять на себя снабжение молоком всех колхозников. Иными словами, люди еще не были убеждены, что с продажей коров их материальное положение не ухудшится, а улучшится.

Если бы руководители района не торопились объявлять отсталым рядовых людей, а посоветовались с ними, выслушали их трезвые возражения...

Но куда там! Руководители района торопились в одну зиму скупить всех коров.

«Нажимали» дюжкою: захламляя выпасы, прекратили выдучу коров на трудодень и в то же время... вдвое против государственной взвинтили цену на скот. И еще пообещали, что семьям колхозников, продавших коров, будут выдавать на «едока» по литру молока в день ценной в полтинник, хотя себестоимость его была вдвое-втрое выше. Во имя минимой славы района колхозы шли на явный убыток.

А чем все кончилось? На покупку скота потратили двадцать миллионов рублей, а что получили? Согнали коров к фермам, оставили их под открытым небом. Божья моль, что творилась в те холодные и ветреные мартовские дни у скотных дворов! Штатные доярки не управляют, а колхозницы из полевых бригад на зов бригадиров отвечали: «Вы наших коров забрали, вы и доите». Коровы стояли голодные, по несколько дней оставались недоевшими. И тогда колхозники начали спешно сдавать коров на мясо. Сдавать за пошени! Половина закупленных коров ушла на мясо — на одном этом колхозы потеряли несколько миллионов рублей деньгами и много молотка. Потом И. И. Ревенко говорил:

«А что было делать? Коровы оказались беспородными, старыми, малопродуктивными».

Но зачем же тогда их скупали? Куда смотрели? Зачем швырялись миллионами?

А молоко? Сперва выдавали его по полтиннику, потом по рублю, потом дороже, а потом и вовсе свели продажу до минимума — не хватало молока для продажи государству.

Так бесславно закончилась в Бреховцевой «коровья операция».

«Как-нибудь обернемся»

Когда колхозы были маленькими, им не требовались экономисты. Председатели «плановали» на пальцах.

— Слушай, Иван Никонович, а коров у вас хватит?

— Да вроде бы должно хватить. Как-нибудь обернемся.

Теперь все по-другому. Скота — тысячи голов. Не так-то просто «обернуться», даже если не рожать коров все на два недели. Крохотная ошибка в подсчетах может привести к большой беде.

В Бреховцевой, когда «разворочивались» насчет семилетки в два года и бурным темпом наращивали стада телят и поросят, когда раздвигали до трех миллионов голов птице стадо, рассчитывали в общем-то на староребристские «как-нибудь обернемся». И хотя зоотехники и агрономы составляли кормовые балансы, но по команде района основывали их на самых высоких урожаях, а год, судя по всему, начинался средний.

И не думали о резерве. И не закладывали: а что делать если подведет погода?

А она как раз подвела! Не уродила кукуруза, — и кормовой баланс не сбалансировался. Правда, это было замечено еще летом. Еще можно было исправить положение! Можно было оставить на фураж побольше зерна других культур — ведь урожай был высокий! Или в крайнем случае еще осенью сбросить излишек скота, то есть, как говорится, привести поголовье в соответствие с запасом кормов.

Зерна оставить не удалось. А скот... Даже осенью, когда на пороге стояла бескорница, районные и краевые организации не проявили решимости. Не сказали председателям колхозов: «Товарищи, чтобы не допустить падежа, сдайте излишний скот. Дайте государству мясо, колхозам — деньги, а главное, обеспечьте полным рационом оставшийся скот». Нет, напротив, твердили: «Нельзя снижать поголовье!» Держались за «вошест» в сводке, а по-настоящему...

Трудно без гнева говорить о том, что потеряли. Район сдал в заготовку шестнадцать тысяч свиней, а сало свиное и поросат почти столько же — четырнадцать тысяч! Сдали восемьсот тысяч голов птицы, а сало миллион восемьсот тысяч голов... И это без болевых, без эпизоотий — только от бескорницы, от

того, что скот содержался под открытым небом или в худых сараях, а точнее, от нерасчетливости, от того, что вовремя не захотели посмотреть правде в глаза, от того, что надеялись на «как-нибудь обернемся»...

И так же нерасчетливо, без взгляда, «плановали» строительство. Затеяли сотни капитальных строений для скота, не принеся, хватил ли сил, материалов и денег. Словно речь шла о пустяках, о тысячах рублей. А речь-то шла о миллионах! Их — если недостаток — не «перевести» у соседа...

И хотя все бреховцеве колхозы начинали прошлый год с отличным состоянием финансов, — дватри процента руководителей, и запяталась экономика.

Двадцать миллионов ухлопали на «коровью операцию» — удар по кассе. Необрали с колхозников за молоко — еще удар. Не по деньгам развернули строительство — и оно «съело» не только все накопленные недельные фонды, но и двадцать миллионов рублей из оборотных средств.

А «съест» оборотные средства — это значит связать себе руки. Пришла пора опьянять сады — нет хмизикатов. Книзу — покупать — не на что. Пока «оборачивались», вредители напали на сады. Пришло лето — покупатели отвернулись от зачервленых яблок. Только в колхозе имени Ленина тысячи центнеров фруктов пошли на корм скоту.

Но, может, пойдя на эти жертвы, в Бреховцевой добились строительного успеха? Нет, не добились. Передо мной — плановый отчет колхоза, в нем остались незаконченными сто тридцать построек, а в них-то должны были зимовать скот! Омерзели миллионы рублей, а ведь они с таким трудом и с такой болью были оторваны от хозяйства.

Где корки!

Кто платит за «побитые горшки»!

Много раз я бывал в Бреховцевой, но никогда не уезжал из района с таким горьким чувством, как ныне весной. Положение сложилось тяжелое. Минувший год колхозы закончили с большим дефицитом. В нынешнем — даже если доходы останутся на уровне прошлых годов — дефицит увеличится. И думаешь: да где же они, в чем они, корки ошибок районных руководителей? В экономичности безграмотности? Да, безграмотность вопиющая! Нельзя руководить таким огромным и сложным хозяйством, как современный колхоз, и тем более район, не

считая, не оставя резервов, не заглядывая в завтрашний день...

Но все же суть не только, а точнее, не столько в безграмотности.

— Знаешь, как у нас действует районная власть? — с неселой ушеской сказал как-то знакомый бригадир.

— Любей ценю лишь бы в дамкин... Я не слышал, чтобы И. И. Ревенко говорил «любуй ценю». Но беда не в выражении! Я предвижу, что он возразит на эти замечки:

«Позвольте, пусть мы не выполнили своих обязательств, пусть допустили некоторые ошибки, но район увеличил продажу молока и мяса государству! Да, увеличил. Но какой ценой?»

Нет, речь идет не только о прямых материальных убытках, которые понесли колхозы от неразумного хозяйствования. Речь идет о потерях другого рода.

— Знаешь, кто у нас расплачивается за районные ошибки? — спрашивал тот же бригадир. — Руководство районное накурелсит, а кто платит за побитые горшки?

Он спросил это с горечью, и я понял его. В самом деле, кто «заплатит за побитые горшки» в коровой «операции»?

Прежде чем ответить на этот вопрос, вернемся к примеру передовых колхозов, на которые ссылался И. И. Ревенко. В Калининце, которую он брал за образец, колхоз, скупив коров, выдал людям молока, как говорил Н. С. Хрущев, «значительно больше, чем потребовали колхозники, имея «собственных коров»... «Таким образом», отмечал Никита Сергеевич, — колхозники села Калининца... не ухудшили, а, наоборот, значительно улучшили свое материальное положение».

А в Бреховцевой? Обещали молоко, а не продали ни одного центнера только только больным и маленьким детям. Хотя ясно, что молоко нужно всем. Район официально не запрещает продажу молока колхозникам, но и не требует этого. Этого не требует, за это не выписывают, но, наоборот, строго выписывает с председателей за «низкую товарность» молока, за то, что часть его расходуется на «внутриколхозные нужды», то есть колхозникам...

На днях я спросил приехавшего в Москву председателя колхоза имени Крупской В. Е. Литина:

«Много ли молока продаете колхозники?»

— Полторацита литров в день... И это на три тысячи человек? Ведь вы купили у колхозников пятсот коров...

Прошло уже около года, как бригаде девушек из дизельно-моторного цеха Челябинского тракторного завода присвоено почетное звание коммунистической С. тех пор девушки не уступали первенства в социалистическом соревновании. Все члены бригады участвуют в общественной работе. На снимке: нарядчица Аня Шаповалова, студентка Челябинского политехнического института. Фото А. Лидова

БОГАТСТВО ТЕМЫ

В Харькове недавно состоялась межобластная конференция писателей Украины, посвященная образу советского рабочего в прозе последних лет. Писатель Юрий Збанацкий, открывавший совещание, сказал: «Символично, что разговор на важнейшую тему литературы происходит в Харькове — одном из крупнейших центров экономического прогресса. Символично, что делегации собрались под гостеприимным кровом харьковчан. Возле писателей с шахтерскими знаменами, посланные прославленной донецкой когечерки, в зале сидели представители индустриальной Полтавы, литераторы из многих других областей Украины. Докладчик критик Леонид Коваленко вряд ли предполагал, что острая полемика может возникнуть вокруг самого понятия «рабочая тема». Прозаизбиратель романист и повести, где действие протекает непременно в цехе или заборе. Л. Коваленко дал собравшимся повод задуматься: а правильно ли такое ограничение? Не сужает ли оно задачу писателя, берущегося описать великий подвиг строителей коммунизма? Не случайно образ Давыдова из «Под...

ной цели» рассматривался выступавшими как пример подлинного проникновения писателя в «рабочую тему». Особые, непривычные для заводского человека обстоятельства, в которые попал Давыдов, помогли еще ярче раскрыть ту особую роль, которую играет рабочий класс в нашем обществе. Интересный разговор завязался на совещании вокруг новых произведений украинского писателя. Обсуждалась в частности первая часть романа Юрия Шаповалова «Ночь под пологом», опубликованная в журнале «Прогресс». В этом произведении об ученых-медиках в лаборатории не действует в привычной среде. Он приехал и пошел. И все-таки именно ему, его моральному авторитету предостиг, судя по опубликованным главам, оказав решающее воздействие на окружающих. Выступившие на совещании писатели Андрей Ялочка и Петр Чебанов из Донбасса, Александр Сизоненко из Николаева горючили о том, как много еще надо сделать литераторам Украины, чтобы ярко отразить замечательные дела рабочего класса. Думается, правомерно включить в повестку дня совещания обсуждение журнала «Прогресс». Ведь этот самый молодой ежемесячник Союза писателей Украины создавался как своеобразная лаборатория рабочей тематики. Программа, с которой выступила редколлегия, вызвала горячее одобрение собравшихся. «Человек и коммунизм» — так можно было бы сформулировать его звание, которому журнал решил подчинить всю работу.

НЕВОЛЬНЫЙ РЕДАКТОР

Мой четырехлетний племянник Андриша очень любит, когда ему читают вслух. Он жадно ловит каждое слово, а любопытными глазками так и шныряет в рисунки. Однажды читал я ему «Зимнюю сказку» Э. Топелиуса (Детизн, 1959 г.). Там есть слова: «У опушки леса, где росли старые сосны, на небольшом пригорке ютилась хижина, крытая дерном, и двумя маленькими окошками издавала в р-сички. — Дядя Коля, — сказала племянник, — ты палецком в книжку, — а здесь оно большое окошко. Возвратил же было нечего. Художник А. Яковсон действительно нарисовал одно окошко. Мелочь, а Андриша сразу заметил. Взял я другую книгу — «Лисичкин хлеб» М. Пришвина («Детский мир», 1959 г.). Автор говорит: «Радостно сна я шляпу...», а художник А. Сапожников нарисовал кепку. Андриша надул губы и сердито сказал мне: — Ты неправильно читаешь. — Да, верно, извини, — согласился я и прочел вновь: «Радостно сна я кепку...» С тех пор мне нередко приходится выступать перед Андришей не только в роли отца, но и в роли невольного редактора. Н. ФИЛИН

МОСКВА

— А что поделяешь... Вот она в чем, особенность брюховецкой «линии». Район натворил ошибок с покупкой коров, а расплачиваться за это приходится колхозникам... И так же с деньгами... Желая «блеснуть», как говорится, «во всех аспектах», районные руководители настояли на том, чтобы колхозы с начала прошлого года перешли на денежную оплату труда. Колхозы и перешли, и даже создали небольшие денежные резервы, но началась закупка коров, развернулось строительство, и опустели колхозные кассы. Только один колхоз имени Крупской вовремя выдал зарплату, а остальные восемь колхозов, начиная с июня — июля, один за другим перестали рассчитываться с колхозниками. Даже к началу апреля брюховецкие колхозы были должны колхозникам четырнадцать миллионов рублей за прошлый год! И, конечно же, все это не могло не отозваться на материальном положении колхозников, на их настроениях и трудовой активности... Начались конфликты. И пошли раздоры. И враз обострились отношения колхозников с руководителями. Так брюховецкие руководители фактически вернулись к методам, осужденным партией еще в 1953 году на сентябрьском пленуме ЦК КПСС: пренебрегли жизненными интересами колхозников, грубо нарушили ленинский принцип материальной заинтересованности! И еще об одном корешке брюховецких ошибок...

Как сыграли «в укрупнение»

Есть в Брюховецкой колхоз «Заветы Ильича». Богатый. Крепкий. Прославленный. По торной дороге из Краснодара ехали и ехали в Брюховецкую гостя. Все с одним адресом: к Буренкову. И вот зарастает торная дорожка. Не видно гостей. Почему? Ну, видимо, потому, что председатель Иван Иванович Буренков в прошлом году с удивительным постоянством и безропотностью повторял ошибки районных руководителей, а кроме того... Еще весной секретарем райкома И. И. Ревенко овладела идея укрупнения колхозов. Правда, колхозы и без того были крупны, но, может быть, и не помешало бы им еще одно укрупнение, если бы его провели умно. В станице Брюховецкой два колхоза — «Заветы Ильича» и имени Крупской, — оба хорошие. Их бы, как подсказывает здравый смысл, если не сей-

«КРАСНЫХ ШАПОЧЕК ГЛОТАТЬ ВОЛК ПРИВЫК С РАЗБОРОМ»

О КНИЖКАХ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ И БЕЗОТВЕТСТВЕННЫХ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЯХ

Прописные истины

ТЕПЕРЬ уже ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что для детей надо писать так же, как для взрослых, но только еще лучше. И, право, никому сейчас не приходит в голову отрицать, например, художественную ценность произведений Гайдара или отговаривать Маршала или Катаева от включения в свои собрания сочинений произведений, написанных специально для детей. О детских книгах говорят на писательских съездах, собраниях, дискуссиях, семинарах, со страниц газет и журналов. И все это закономерно, ибо никогда еще не была так ответственна роль детской литературы, как сейчас. Сегодняшний читатель детской книги — это завтрашний строитель коммунистического общества. Каков

будет этот человек нового общества? Он будет таким, каким мы воспитываем его сегодня, воспитываем в том числе и книгами для детей. Короче говоря, о том, что детская литература — дело серьезное, знают даже дети. С каждым годом у нас растут тиражи детских книг. Но с каждым годом у нас растет и число юных читателей. Об этом лучше всего говорит итог последней Всесоюзной переписи населения. Поэтому вполне понятно, что к ним для детей у нас все еще хватает, особенно книг для самых маленьких. Совсем недавно, лет восемь-десять назад, у нас в Российской Федерации книги для детей, по существу, издавал один Детгиз. Мы жаловались, что другие издательства не «любят» детскую литературу. Теперь детскую литературу «полюбили» все: детгиз Детизна и новых издательств («Детский мир», «Советская Россия»), книги для детей выпускают все без исключения областные, краевые издательства и издательства автономных республик РСФСР. В одном лишь 1959 году издательств Российской Федерации (не считая Детгиза и некоторых других) выпустили 28 миллионов экземпляров. Немалые цифры! Основную массу «детской» продукции местных издательств составляют книги для малышей, притом преимущественно книги стихотворные. Это — очень хорошо. Казалось бы, сам по себе этот факт должен радовать... Как известно, первый паровой автомобиль был построен в 1770 году, а первый двухколесный велосипед — в 1801 году. Трудно себе представить, чтобы создаваемый сегодня новый автомобильный завод начал свою деятельность с выпуска машин на уровне самоходной повозки французского инженера Кюньо, а новый велосипедный завод стал бы производить велосипеды, подобные самонаду русского крепостного Артамонова. Также известно, что наша советская детская литература и, в частности, поэзия для детей существуют вот уже добрых четыре десятка лет и успели накопить немалый опыт. Казалось бы, нелепо писать ныне для детей так, как писали для них в «Задуманном слове» и «Светлячке». К сожалению, когда знакомился со многими книжками для малышей, изданными в местных издательствах, создаются впечатление, что берись за новое дело, мы начинаем в поэзии для детей создавать своеобразные самоубийственные коляски.

Что такое стихи?

На первый взгляд, этот вопрос может показаться риторическим. Стихи, скажете вы, — это поэтическое, а значит — образное, художественно организованное речью. Напомню, что В. И. Даль называл поэзией — изящество в письменности, все художественное, духовно и нравственно прекрасное. Наконец, применительно к стихам для детей добавим выражение К. И. Чуковского: «Поэзия для малышей должна быть и для взрослых поэзией». Но вот беда! Оказывается, что знать это вовсе не обязательно. До-

У ЧЕЛОВЕКА НЕОБСТРЕЛЯНОГО МОГУТ БЫТЬ САМЫЕ ПРЕВРАТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЕРВОМ БОЕ, В КОТОРОМ ОН УЧАСТВУЕТ.

Мне кажется, что я магнит, что я притягиваю мины. В этих правдивых строках Семена Гуденко — превеличественный, но понятный страх новичка, которому еще только предстоит стать солдатом. В начальных кадрах «Баллады о солдате» танк с собачьей яростью преследует героя, но догнать, как ни старается, не может. Критиком этот эпизод показан неправомерно, он и в самом деле напоминает жуткий, полуфантастический сон. Но все дело в том, что на экране поединок с танком выглядит так, как он выдвинулся молодому пехотинцу, которому впервые пришлось отбивать танковую атаку. Герою нового рассказа Виктора Некрасова «Вторая ночь» («Новый мир», № 5, 1959) вскоре после того как он попал на фронт, пришлось впервые идти в разведку. «Ленька не мог вспомнить потом, сколько времени они проползли — час, два, а может, и всю ночь. Не мог вспомнить, и о чем он думал тогда, и было ли ему страшно, Полз и все — напуган впереди, он сзади. Сердце только сильно стучало, и он все боялся, что капитан услышит и выругает его потом, и поэтому сдерживал зачем-то дыхание — может, меньше стучать будет, но сердце все стучало и стучало и в груди, и в голове, и в руках, и в ногах — везде...» Очень трудно в первом сражении: страшно погибнуть (это чувство особенно сильно, потому что еще не умеешь отличать подлинную опасность от кажущейся), страшно не выполнить свой долг и, наконец, страшно показать, что тебе страшно. И только познанный опыт, когда уж становишься, как говорится, бывалым солдатом, позволяет более или менее точно восстановить то, что происходило на самом деле. Описать первый бой, эту внутреннюю снованность, лихорадочную смену чувств и мыслей, — не просто. Но В. Некрасова, когда он в последних своих рассказах неизменно изображает новичка, в первый раз охватывающего трудные задачи, — хотя вполне естественно, что художник невольно обращается к такому материалу действительности, к таким ситуациям, которые дают ему возможность в полной мере и с лучшей стороны проявить свой талант (ведь хронологический анализ едва ли не самая сильная сторона дарования В. Некрасова). Все-таки суть не в этом, не в чисто художественной задаче. Другое послужило творческим стимулом для писателя. Нельзя лучше проверить подлинность моральных ценностей, за которые сражаются воины, идейный и нравственный потенциал воспитавшего его общества, чем последовать за солдатом, когда он впервые поднимается в атаку и

остается один на один со смертью. Если солдат защищает свое и правое дело, если он явился на линию огня с настоящим идеями и нравственным багажом, — он выдержит это суровое из суровых испытаний; его не сломит страх, он не отвернет от ужаса и крови, не потеряет человеческого облика. Если солдат не знает, во имя чего ему приходится воевать, если его обманом послали под пули, тогда происходит то, о чем рассказал Ремарк в своем романе «На Западном фронте без перемен»: «Они должны были бы помочь нам, восемнадцатилетним, войти в пору зрелости, в мир труда, долга, культуры и прогресса, стать посредниками между нами и нашим будущим... Признавая их авторитет, мы мысленно связывали с этим понятным знанием жизни и дальновидность. Но как только мы увидели первого убитого, это убеждение развеялось в прах... Первый же артиллерийский обстрел раскрыл перед нами наше заблуждение, и под этим огнем рухнуло то мировоззрение, которое они нам прививали.» Вторая мировая война была не менее жестокой и кровопролитной, чем первая. Но советские люди знали, за что воевали, и поэтому никакие ужасы не могли сломить их. Этим людям, ненавидящим кровопролитие, глубоко мирным и по образу мыслей, и по привычкам, но верным своему гражданскому и солдатскому долгу, по-настоящему сильным духом, — этим людям являлись свои рассказы В. Некрасова. Как всегда, В. Некрасова интересуют будни войны — небольшие операции, которые в сводках Совинформбюро назывались «боями местного значения», повседневная, тяжелая и опасная, но по существу, героическая солдатская работа. Пожалуй, никто так много, как В. Некрасов, не писал о том, что война — это не только атаки и отражение вражеских контратак, но и бесконечное рытье траншей, ночные броски и переходы, утомительные дни формирования — с рассвета до ночи изучение материальной части, строевая подготовка, ползание по-пластунски. Как всегда, герои В. Некрасова — простые ребята, ничем особенно не выделяющиеся. Правда, у лейтенанта Ильина, героя рассказа «Судак» («Молния», № 2, 1958), чересчур уж шаткая повадка: форма на нем сидит смешно, нескладно, и неловкость он испытывает от того, что солдаты перед ним выгибаются, и гранату не может бросить как следует. Впрочем, мало ли было людей, так и не привыкших за годы войны к особому укладу армейской жизни, с облегчением сменивших в 1945 году военную форму на привычный штатский костюм, но честно выполнивших свой долг? Нет, лейтенант Ильин — фигура, часто встречающаяся на фронте. А уж Ленька Богород — восемнадцатилетний солдат, о которых в армии добродушно-покровительствен-

но шутили: «Годен, не обучен». — этот милый, сохранивший детскую непосредственность паренек с веселым открытым лицом наверняка хорошо знаком многим. Все это так. Но чем дальше читаешь рассказы В. Некрасова, тем яснее, что изображаемый им как будто бы «частный случай» — шу, конечно же, не просто история — штука высокая: 103.2. Здесь раскрываются важные закономерности нашей жизни: прежде всего героика будней. А обыкновенные, ничем не примечательные ребята не заметны для читателя (в этом особенность манеры В. Некрасова: ему не свойственна никакая-либо искусственная драматизация) вырастают в настоящих героев. Героизм — не врожденное бесстрашие, не просто рекорд физической выносливости. Героизм — категория нравственная. Подвиг совершает лишь тот, кто идейно и морально подготовлен, и благодарному самоотречению. И эта нравственная высота советского человека — самое главное в духовном облике героев В. Некрасова. Случилось, что первая боевая операция, которую поручили лейтенанту Ильину, — крепкий орешек. После получения приказа обстановку усложнили, и даже опытный офицер здесь нелегко было бы найти верное решение. Для Ильина все осложнилось еще тем, что комбат мечтал при первом же удобном случае избавиться от этого офицера с неисправимо штатскими привычками. Провести бесполозную операцию, чтобы не вызвать гнев комбата, — в конце концов приказ есть приказ? Или, рискуя, действовать самостоятельно, и, если не поменяет непреклонное обстоятельство (а сколько на войне таких «если»), добьется успеха? Как быть? «Самое трудное на фронте, — пишет В. Некрасов, — принять решение, вынужденным влять на себя ответственность за все последующие события, за то, что люди, судьба которых в твоих руках, если даже и погибнут, то погибнут, выполняя задачу, в правдивости которой ты, во всяком случае, ты, абсолютно уверен. Да, это и есть самое трудное на войне — принять решение, а приняв, твердо выполнять.» Мы иногда говорим о человеке: «С ним я бы пошел в разведку», — определяя так высшую степень верности: значит, человек этот не бросит тебя, как бы трудно и страшно ни было, значит, как и ты, выполнит свой долг. «С этим парнем можно идти в разведку», — так судят о человеке и некоторые герои литературы «потерянного поколения». Но у лейтенанта Ильина мера ответственности другая, куда более высокая и гуманная: не только за друга, с которым вместе лежал под пулями, — а, как писал А. Твардовский: Ничего мы в ответе За Россию, за народ И за все на свете. Это чувство личной ответственности за то, что происходит рядом и за много километров от тебя, о чем узнаешь только из газет, и есть та черта советского характера, что была воспитана нашей партией. Это чувство ответственности выражается в рассказе «Вторая ночь» и в том, что Ленька Богород не дрогнул, когда ему в первой разведке пришлось идти на один, без оружия, схватиться с немцем, потому что он не забыл «повешенных немцами партизан, пять человек, и среди них девушка, совсем молоденькая девушка, лет семнадцати-восемнадцати, не больше». Это чувство выражается и в том, что его, не очень разбиравшегося в тонкостях этики и политики, покорило от шуточки, с которыми капитан Орлик рассматривал фотографии задуманного Ленькой немца. В самом обычном паренке, воспитанном новым обществом, жило это чувство личной ответственности «за все на свете» — за исход войны и за то, чтобы в самых жестоких сражениях мы не захмелели от крови, не утратили человечности. Писать сейчас о войне трудно: очень велика опасность повториться. В. Некрасов, вероятно, особенно трудно. Он автор выдержавшей испытание временем книги «В окопах Сталинграда». Он должен соперничать с самим собой. Но настоящее искусство и рождается только тогда, когда трудное. Новые рассказы В. Некрасова имеют полное право находиться под одним переплетом с повестью «В окопах Сталинграда»: они дополняют и расширяют картину войны, нарисованную в этой повести. Здесь свою роль сыграло и то обстоятельство, что за годы, отделяющие повесть «В окопах Сталинграда» от последних рассказов В. Некрасова, напечатано немало хороших книг о подвиге советского народа в дни войны. И, быть может, рассказы Виктора Некрасова, о которых мы пишем, в свою очередь будут одной из причин появления в будущем новых хороших книг о войне. Ведь литературный процесс — это цепная реакция: хорошие книги рожают хорошие. Л. ЛАЗАРЕВ

«РЕПЛИКИ» «БАТЮШКА ШАХ»

Случалось ли вам, дорогой читатель, слышать о «пупках им не обрезала»?

Как ни странно, автор пупка «пупки им не обрезала», встречаем в повести «Батюшка шах» (стр. 15).

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

«РЕПЛИКИ» «БАТЮШКА ШАХ»

Случалось ли вам, дорогой читатель, слышать о «пупках им не обрезала»?

Как ни странно, автор пупка «пупки им не обрезала», встречаем в повести «Батюшка шах» (стр. 15).

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

«РЕПЛИКИ» «БАТЮШКА ШАХ»

Случалось ли вам, дорогой читатель, слышать о «пупках им не обрезала»?

Как ни странно, автор пупка «пупки им не обрезала», встречаем в повести «Батюшка шах» (стр. 15).

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под русские. На страницах разгуливают русские «молочки», встречаем «пупки им не обрезала».

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

«РЕПЛИКИ» «БАТЮШКА ШАХ»

Случалось ли вам, дорогой читатель, слышать о «пупках им не обрезала»?

Как ни странно, автор пупка «пупки им не обрезала», встречаем в повести «Батюшка шах» (стр. 15).

Здесь стилизация доминирует над содержанием. Можно встретить, например, такие выражения: «Турецкие народные сказки играют в дротик...» Вероятно, по аналогии с этим оборотом можно теперь говорить: «играют в саблю», «играют в ружье» и т. п. Невообразимые, почти сказочные превращения происходят на страницах «Батюшка шах» (стр. 15).

Особенно не повезло зловещему «мальчику», выступающему в ряде сказок. О нем говорится, например, так: «А мальчик и девушка... проводят время в удовольствиях и наслаждениях» (стр. 72), «а потом мальчик обрывается с девушкой» (стр. 73).

Цедрой рукой по сборнику рассыпаны слова и выражения из русских народных сказок, что ведет к

стилизации турецких сказок под

НА ГРАНИ НОЧИ И ДНЯ

Поздним вечером традиционный пассажирский «Бонинг», принадлежащий бельгийской компании «Сабена», поднял нас с Нью-Йоркского аэродрома.

Не прошло и часа, как мы, наращивая скорость, покрывали уже первую тысячу воздушных миль над Атлантическим океаном.

Де-то далеко в темноте остался великий американский материк. Но память все ярче и отчетливее фиксировала важнейшие события, впечатления и ощущения кратковременного пребывания в Соединенных Штатах Америки.

Была одна замечательная примета этого полета над Атлантикой, воистину волшебный момент, когда над одним из меридианов планеты мы переступили, если можно так выразиться, символический рубеж.

Рубеж ночи и дня. Ночь неожиданно оборвалась. И через какие-то мгновения перед глазами вспыхнул ослепительно яркий день. И по мере приближения к нашей родной Советской Родине день мира все убедительнее и радостнее вступал в свои права.

И на этой грани ночи и дня еще рельефнее обозначился контраст двух миров, двух мировых систем, двух способов жизни, существующих сейчас на планете.

Еще там, в Соединенных Штатах Америки, узнали мы о работе сессии Верховного Совета СССР. Такие вести, как предстоящая отмена налогов в СССР, переход на 6- и 7-часовой рабочий день, увеличение в десять раз весомости советского рубля, поражали любое воображение гигантскими размахом мирных устремлений советского народа.

С другой стороны, американцев переполнило сенсационное сообщение о вторжении воздушного пирата «У-2» в пределы СССР.

В моих ушах еще звучат слова, сказанные перед самым нашим вылетом на Родину бывшим сержантом военно-воздушных сил США Джоном Меккоу:

— Вместе с русскими воевал я против нацистов. Немцы меня били. Как раз над вашей Полтавой. Нет, никогда не забуду я, как, весь израненный, болтался тогда на парашюте... И само это слово «война» мне противно даже слышать. Пусть воеют полжизни войны. Пусть они сами воеют!

И понятно, что думал о субъекте по имени «Пауэр» этот честный американский солдат Джон Меккоу, вспоминая вступ, как и при каких — совершенно иных — обстоятельствах довелось ему опускаться тоже на парашюте и тоже над советским городом, вспоминая о том братском приеме, который ему оказали советские люди.

Слова Меккоу были, пожалуй, одним из последних, услышанных нами на американской земле. И я вспоминаю улыбку этого простого американца. Но не ту лицевую, а еще точнее — вероломную улыбку-маску, с которой Эйзенхауэр встречал в Бэмп Дэвиде Никиту Сергеевича Хрущева, а ту искреннюю, от всего сердца, неподдельную улыбку радости и надежды, с которой нас, простых американских людей, встречали простые американские люди. Например, рабочие всемирно известного завода Форда.

Было это в Детройте. Работе приняла нас, как братьев. И в этой формуле нет никакого преувеличения.

— Вам, должно быть, понравился наш завод, — сказал Том, один из рабочих сборочного цеха. — Неплохая штука этот конвейер, правда? Не дай бог, чтобы

с этого конвейера сошли бы танки. Нет, этого никогда не будет, слышите? Никогда!

Том так энергично тряс наши руки, как будто вся судьба мирного сосуществования зависела от нас и от крепости этого рукопожатия...

В столовой рабочие угостили нас обедом «по-американски». Подали даже курицу. «Знаем, знаем! Вы любите курицу так же, как и мы».

В день этой встречи ни мы, ни гости-приехавшие детройтские парни ничего еще не подозревали, да и не могли подозревать о черном самолете-пирате. Пауэр тогда еще, наверно, лишь готовился к вылету, проверял свою стугубу «наушную» аппаратуру «для заора воздуха»...

Мне не довелось услышать, в каких именно выражениях прокомментировал Том из сборочного цеха беспрецедентный провал новой авантюры Пентагона, но что он думает по поводу всего этого, мне достаточно легко себе представить.

И мне легко представить себе выражение лица профессора Колумбийского университета доктора Потера, читающего специальные выпуски американских газет о провале совещания в верхах...

А мы беседовали с профессором тогда, когда Пауэр, наверно, летел уже над Афганистаном...

В Колумбийском университете нас, между прочим, ждал приятный сюрприз. Оказывалось, два месяца назад при философском факультете университета было создано отделение грузинского языка и литературы.

— А русский язык изучают у нас 585 студентов, — сообщил мистер Потер. — Для начала неплохо, не правда ли? Да, после Парижского совещания можно будет надеяться на многое...

Глаза профессора загорались.

— Русские — отличный народ! — восклицал он. — Они уважают и любят нас. И мы, естественно, тоже любим их, да, любим! Ведь в конце концов мы живем на одной планете...

В Дирборне (около Детройта) нам представился профессиональный спортсмен Кинчлей.

— У вас в СССР играют в гольф? Нет?.. Жаль. Превосходная игра. И я неплохо мастер по этой части... Я давно мечтаю посетить вашу страну... Ведь спортумену так же нужен мир, как ученому или рабочему... Но ничего, ничего! Скоро все станет на свое место. Личь бы «большая четверка» собралась в Париже...

«Большая четверка!» С какой надеждой, с какой верой это произносилось! В колледжах и на заводах, в мелких магазинах Гарлема, в громадном Чикаго и в маленьком Нагара-Фолсе, в обстоятельных беседах и в мимолетном уличном разговоре слова эти в устах многих и многих американцев звучали синонимами вечных слов «Мир» и «Дружба».

И все эти люди были вероломно обмануты.

В Нью-Йорке, в кафеетерии на углу 31-й стрит, неподалеку от отеля «Губернатор Клинтон», к нашему столу, осторожно подсел долговязый рыжеволосый парень.

— Роберт! — представился он. — Фамилия не нужно. Просто, Робби из Минчтона или «Длинный Робби». Вот и все. Работает в рекламном агентстве... Распространяет холодильники фирмы... Впрочем, это тоже не нужно. Я вам только вот что скажу: это — позор! — он ткнул паль-

цем в лежащую передо мной газету с фотографией Пауэра на первой странице. — Это позор!

Нет, я не берусь что-либо обобщать. Мы слышали в Соединенных Штатах и совсем другие суждения, видели и совсем другие глаза, нежели глаза славного «Длинного Робби».

Вообще, давно замечено, что Америка — страна резких и откровенных контрастов. ...С шести часов утра до часу ночи по тринадцати каналам американского телевидения один за другим показываются гангстерские фильмы. Изюм в день на Бродвее ослепительно-кричащая реклама зазывает вас на очередной детектив Голлауда...

Так подготавливается «средний американец» к восприятию очередной порции лжи и клеветы о нашей стране, о социалистическом мире.

И продажные журналисты, трижды купленные радио- и телеобозреватели принимаются за дело... Но никакая «смалина» по формированию общественного мнения, даже столь оснащенная, как американская, не сможет убедить кого-либо, что черное есть белое.

Американский самолет-шпион сбив под Свердловском. Этого никак не назвать «коммунистической пропагандой».

И, быть может, именно в эти дни намечался тот сдвиг в сознании рядового американца, который приведет к последствиям, явно нежелательным для правительства, сорвавшего Парижское совещание.

Трудно также переоценить то впечатление, которое произвела в Соединенных Штатах Америки грандиозная программа дальнейшего повышения благосостояния советского народа, провозглашенная Н. С. Хрущевым на сессии Верховного Совета.

— Вы знаете, — сказал мне шофер такси, — отмена налогов — это ваш величайший спутник... Видите вот эту вещь? — он достал из кармана зеленый спичечный коробок. — У нас в Штатах даже это обложено налогом...

Да, у нас в Штатах дело обстоит именно так. Купил дом в расщелину — плати налог, купил лезвие для безопасной бритвы — плати налог. В сущности, для правителей Америки рядовой американец — прежде всего налогоплательщик. И не удивительно, что десятки раз нам пришлось отвечать на все тот же недоуменный вопрос:

— Скажите, правда ли это, что у вас в СССР собираются отменить налоги?..

Спору нет, жизненный уровень обеспеченного работником американца достаточен. Но налоговое бремя в США из года в год растет в геометрической прогрессии.

Из она многоэтажного «Губернатора Клинтон» я каждое утро наблюдаю, как напротив, у церкви, выстраивалась длинная очередь за бутербродами. Перлов выдавала их безработным, как милостыню. И мне почему-то казалось, что скорбная эта очередь с каждым днем становится все длиннее... Ведь безработных в Соединенных Штатах, по официальным данным, около пяти миллионов!

А вскоре мы могли воочию убедиться, на что расходует Пентагон выкачанные из среднего американца доллары. Это случилось перед самым нашим отъездом.

В маленьком городке Нагара-Фолсе на пятнадцатый минут замерло все движение. Патнаждат минут на улицах мирного обжитого городка не было ни души: над ним витала зловещая тень воздуш-

ной тревоги. Было что-то глубоко трагическое в этом очередном спазматическом проявлении военного психоза...

...И все же мы покидали американский континент с добрым чувством. Сержант Меккоу здорово поднал настроение... Прошло еще несколько дней.

Мы, уже вернувшись домой, с огромным напряжением следили за цепью международных событий, ставших следствием американской провокации против нашего народа.

Сейчас, когда голос протеста миролюбивых сил громко звучит в Совете Безопасности, весь наш советский народ сурово предпринимает поджигателей войны: — Не шутите с огнем, господа! Можно жестоко обжечься! Советский народ не из слабонервных. Мы достаточно терпеливы! Но у нас достаточно сил, чтобы раз и навсегда отбросить у вас охоту «пробовать воздух» над нашей землей.

Так думают миллионы моих соотечественников и сотни миллионов простых людей планеты, жаждущих мира и счастья. НЬЮ-ЙОРК—МОСКВА. Май 1960 г.

Назвям ХИКМЕТ

МЕРТВЕЦ НА ПЛОЩАДИ БЕЗЫТ

Легит мертвец, девятнадцать лет, днем с солнцем, ночью рядом со звездами, лежит в Стамбуле, на площади Безыт.

Легит мертвец, учебник в одной руке, в другой — сон, не успевший присниться, в апреле тысяча девятьсот шестидесятого года, на глазах у всего народа, в Стамбуле, на площади Безыт.

Легит мертвец, пулей убит, ранна на лбу горит, — самая красная из гвоздик, в Стамбуле, на площади Безыт.

Мертвец будет лежать, будет капать на землю кровь, будет с оружием в руках, с пистолетом на выпущенной площадке мой народ.

Перевела М. ПАРЛОВА

В Стамбуле полиция стреляла... Снимок из французской газеты «Юманите»

ЗЕЕБОМ НЕРВНИЧАЕТ...

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ министр транспорта в Боннском правительстве Ганс Христоф Зеебом ступил на выступление «Литературной газеты» 12 мая, посвященное его прошлой и настоящей деятельности.

Как сообщают западногерманские агентства ДПА, Зеебом пытается опровергнуть выдвинутые против него обвинения, правда, не все, отнюдь не все! Его попытке выгородиться, хотя и безуспешно, но понята. Давно известно, что ни один жулик не любит, чтобы его портрет висел в галерее жуликов.

Какие же обвинения «отвергает» боннский министр Зеебом?

Прежде всего обвинение в том, что он участвовал в грабеже «неарийского» имущества в захваченной гитлеровцами Чехословакии. Он утверждает обратное: «Компани», в которых участвовала его семья, — передает агентство ДПА, — а также еврейские семьи, были подвергнуты арризации во время национал-социалистического режима. Словом, не он обкрадывал, а его обкрадывали.

Какие компани имеет в виду г-н Зеебом? Может быть, фирму, в которой он состоял на службе и которую возглавлял Игнац Петчек? Так вот, с приходом гитлеровцев в Чехословакию Зеебом вывел завод за дверь своего бывшего шефа Игнаца Петчека и самолично стал председателем правления акционерного общества «Британия колленверкер»... Как мы указывали, Зеебом объединил награбленное, то бишь «аризированное» в Чехословакии имущество в акционерное общество «Эрлендер бергау», которое фактически стало обществом его «пострадавшей» семейки. В первом томе спра-

Д. УМАНСКИЙ

воичка «Хандбук дер дейчен акциенге-вакшафт», выпущенного в 1943 году в гитлеровской Германии, на страницах 926—927 можно найти соответствующие данные о названном акционерном обществе.

В своем «опровержении» г-н Зеебом скрывает, что мол, многие «аризированные» предприятия в Чехословакии были в принудительном порядке переданы «Герман-Герман-верке», то есть концерну, принадлежавшему главному военному преступнику. Но у нас г-н Зеебом не скрывает сочувствия по поводу того, что с Германом Геррингом ему тягаться было труднее, нежели с Игнацом Петчеком.

Федеральный министр заявляет, что с 1938 по 1939 год он «работал горным инженером в объединении «Эрцберггау» в Рингельгейме» и что он «не поддерживал сколько-нибудь тесных связей с Геррингом». «Очевидно», — добавляет он, — здесь имеет место ошибка, и речь идет о дальнем родственнике Бертольде Зеебоме».

Кемся, о «дальнем» родственнике министра мы ничего не знали. Теперь же мы знаем, что Бертольд Зеебом был своим человеком у Герринга, а это, надо думать, шло на пользу его «дальнему» родственнику Гансу Христофу Зеебому...

Но вернемся к «опровержению». Зеебом утверждает, что, работая в фирме «Эрцберггау», он не был связан с Геррингом. Возможно, что эта фирма с Геррингом не была связана. О ней мы и не упо-

ВЭН КЛАЙБЕРН ЛЕТИТ В МОСКВУ

АНТРЕПЕНЕР СОЛ ЮРОК: «ПРИВЕТ НАШИМ СОВЕТСКИМ ДРУЗЬЯМ!»

ИЗВЕСТНЫЙ американский пианист, один из организаторов международного конкурса имени Чайковского в Москве, Вен Клайберн прибывает в Советский Союз.

В связи с этим редакция «Литературной газеты» сделала по телефону с Нью-Йорком, с антрепренером Сол Юрок, который сообщил нам следующие сведения: — Вернувшись из Москвы в Штаты, Вен Клайберн все время думал о новой встрече с советскими друзьями. В четверг надеется съездить в гостеприимную Москву.

Вен Клайберн чувствует себя превосходно. В последнее время он много и плодотворно концертировал в Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго, Бостоне, Филадельфии... Его выступления, как правило, проходили с огромным успехом. За время после известного московского конкурса, о котором Клайберн всегда вспоминает с очень теплым чувством, его репертуар расширился. Самого большого успеха в последнее время Клайберн

добился, исполнив в Чикагском симфоническом оркестром произведения Шумана, Пастернака, на которых записан этот концерт, у нас пользуются огромной популярностью.

В Советском Союзе Вен Клайберн намерен совершить большую гастрольную поездку, выступая в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси и, возможно, в других городах. Должен сказать, что все это время Клайберн получает большое количество писем от своих советских друзей. Несомненно, встреча с ними будет очень теплой.

После гастролей в СССР Вен Клайберн несколько месяцев будет отдыхать в Европе, а затем вернется в Соединенные Штаты Америки, чтобы дать шестьдесят концертов в различных городах нашей страны.

Через «Литературную газету» редакция приветствует Вен Клайберна и свой собственный нашим дорогим советским друзьям! До скорой встречи!

«КРАСНЫХ ШАПОЧЕК ГЛОТАТЬ ВОЛК ПРИВЫК С РАЗБОРОМ»

(Юнончание. Начало на 3-й стр.)

Характерна, например, в этом отношении слабая книжка Марии Антонович «Мой подарок», выпущенная в 1959 году Ростовским книжным издательством (тираж 110 тысяч экземпляров). Формально в этой книжке есть все: и ракеты, и кукуруза, и американская девочка Джени, которая не боится посадить черную кукурузу рядом с белыми, и маленькая Нина, дружески беседующая во воображаемом проводу с Пекином, и трактор... Все, и ничего, ибо нет в стихах М. Антонович главного: образности, поэтичности, творческой фантазии. Да и по языку стихи ее корявы и сухи, как плохо написанный отчет о том, что мало волнует самого автора:

...Папа мой — хороший мастер, Осмотрел в моторе части. А потом сказал мне папа: — Сменим в двигателе клапан. Эти гайки и болты В керосине вымой ты...

Надо прямо сказать, что особенно много плохих стихов у нас пишется на важнейшую для детской литературы тему — тему труда. Утомительное перечисление полезных дел, совершаемых ребятами, сухие описания тех или иных трудовых процессов и просто назидательные сентенции о пользе труда кочуют из одной стихотворной книжки в другую. Вместо того чтобы поэтизировать труд, авторы детских книжек декларируют, констатируют факты, вещают:

Вова, труженик, Юнат, Выростил пшеницу, Мы ее как экспонат Повезем в столицу. Там на выставке она Будет красоваться. Там пшеницей вся страна Будет любоваться.

Это стихотворение Ивана Беланова «Юнат» — не самое худшее в его книжке «Штука-тушка» (Ставропольское книжное издательство, 1959; тираж 110 тысяч экземпляров), и все же как оно далеко от настоящей поэзии, способной тронуть сердце читателя!

Точно так же вряд ли могут взволновать ребят многочисленные назидательные стихотворные поделки, которые почему-то особенно пришлись по душе и авторам нашим, и издателям. Видимо, перепутав понятия «учить» и «поучать», «воспитывать» и «морализировать», иные авторы и не представляют себе разговора с юным читателем без откровенных нравоучений, прямолинейной дидактики, любовного осуждения детских «пороков». Только этим можно объяснить появление таких назидательных книжек, как, например, «Шутки-малютки» А. Царева (Ульяновское книжное издательство, 1959 год. Тираж 30 тысяч экземпляров). О поэтических «достоинствах» этой книжки, над которой, кстати говоря, автор работал семь лет, свидетельствует хотя бы такое стихотворение:

Изабавленная Вика Кричала в лагере весь день: — Принеси! Подай! Возьми-ка! — Убери! Почисти! Налей! Но слуг покорных не нашлось. Самой все делать ей пришлось.

Честное слово, наши маленькие читатели во много раз умнее, чем мы их порой себе представляем!

О малой грамотности и просто безграмотности

Писатель — всегда учитель. Детский писатель — учитель вдвойне. Ведь ребенок, особенно маленький, не только черпает из первых своих книжек необходимые ему знания, а и впервые знакомится по ним с родным языком, познает его строй и красоту.

Обидно, когда в руки ребенка попадает книжка, написанная языком бесцветным, невыразительным, сухим, лишненным образности и эмоциональности. Но еще хуже, когда в книжках для малышей сталкиваемся с элементарными нарушениями стилистики русского языка, с малой грамотностью и просто вопиющей неграмотностью.

Приведу лишь несколько примеров

того, как говорят со своими читателями некоторые авторы детских стихотворных книг.

«Кукло сохнет», «Нам зима снежником много принесла», «Но люблю я целый день бегать — не сидеть». «Видно, не раз и потом еще будет скамейка полезна многим людям». «Только было бы невмочь мне, работать день и ночь стариком ли мальшом», — пишет Мария Антонович в своей книжке «Мой подарок».

«Красных шапочек глотать волк привык с разбором», «У проворной мамы, значит, детки будут с пиццей», «Только воздух повлажнет после зноя и жары», — пишет Виктор Киселев в книжке «Маринкины стихи».

«Звон летит так далеко, слышен в хате самой дальней», «На работу кузнеца посмотреть мальчишки лезут», — пишет Василий Трубицын в «Серженной книжке».

И подобные языковые перлы печатаются типографским способом и размножаются в сотнях тысяч экземпляров! Над ними ставятся имена авторов, а под ними имена редакторов!

Кто виноват?

Каждый человек вправе писать романы и поэмы, драмы и повести, рассказы и даже стихи для детей. Вправе писать хорошо и плохо, как может. Это естественно, ибо у одного есть дарование, а у других — только желание.

Но уж если «красных шапочек глотать волк привык с разбором», как говорит Виктор Киселев, то нужно ли без всякого разбора обнародовать стихи для малышей? Об этом прежде всего хочется спросить редакторов книжек, о которых говорилось выше: Н. Бабахов (Ростов на Дону), А. Зарубина (Горький), А. Бургинского (Мордовия), А. Лопаткину (Вашкино), Ф. Колесникова (Чечено-Ингушетия), В. Волкову (Иркутск), Л. Морозову (Ставрополь), В. Лебедеву (Ульяновск). И не только их. Ведь книжки, подобных названий, немало выпускается и другими издательствами. И под всеми стоят фамилии редакторов.

Часто говорят, что наши редакторы плохо разбираются в специфике детской литературы. Допустим, это так. Но и не зная специфики, можно и должно сравнивать каждое новое стихотворение для детей с тем лучшим, что уже создано нашей большой детской поэзией.

И уж вовсе обязательно для любого редактора быть грамотным, знать

элементарные законы родного языка, дабы не выпускать под маркой детской литературы словесную макулатуру.

Появление плохих книжек для малышей объясняется вовсе не незнанием специфики детской литературы, а безответственностью и небрежностью издательских работников. Нетребовательность эта сказывается и в том, что они выпускают книги, инициальные, прямо скажем, людьми малоталанливыми, и в том, что они не умеют работать с людьми творчески способными.

В 1958 году Детгиз выпустил неплохую книжку стихотворных загадок Н. Костарева «Зеленый глазок». В ней было лишь восемь коротких загадок. А вот в книжке того же автора «Светлячки», изданной недавно Ростовским издательством, помимо тех же восьми загадок появилось много других — очень слабых. Создается впечатление, что недоработанное, сырое и просто неудачное, отвергнутое редакторами Детгиза, нашло себе приют в книжке, изданной областным издательством. Еще более неудачна и малоудовлетворительна книжка Н. Костарева «Мурлыка-птилешка», вышедшая в Пензенском книжном издательстве.

Приходится только сожалеть, что такие способные поэты, как М. Сырванц, Г. Граубин, И. Наволокин, В. Колпакин, В. Коржиков, В. Жак, Л. Преображенская, Д. Тарджеманов, А. Илабуков и многие другие, подчас выпускают в местные издательства сырые стихотворные произведения для малышей, которые по своему уровню находятся значительно ниже творческих возможностей самих авторов.

Беда и в том, что для многих издателей книжки для малышей стали ходовым товаром, и только. Книжки эти, как правило, в силу недостаточного количества изданий для маленьких, не залеживаются на складах издательств и магазинов.

Вот почему и тиражи их огромны. Вместе с тем никто всерьез не занимается у нас критическим анализом этих книг: по существу, издание их становится делом «безнаказанным», находящимся вне литературной и читательской критики.

Прочитав эти заметки, многие издатели могут растеряться. «Ну, вот! — скажут они. — Нас ругали за то, что мы не издавали книг для детей, а теперь ругают за то, что мы их издаем. Как же быть! Не лучше ли вернуться к прежнему положению, когда на ре-

бят работал один лишь Детгиз, и прекратить выпуск детских книг в местных издательствах».

Нет! Не надо прекращать выпуск книг для детей в местных издательствах. Наоборот, его надо увеличивать. Но делать это надо серьезно, безо всяких скидок на возраст читателей. И уж вовсе не обязательно в каждой области, каждом крае и каждой республике издавать для ребят произведения только своих, местных авторов по принципу: пусть плохонький, но наш. Если сегодня в той или иной области нет своих Маршалов и Михалковых, будем надеяться, что они появятся завтра. А сегодня, может быть, целесообразнее переиздать то лучшее, что уже создано в детской поэзии, в том числе и поэтами, живущими в областях и национальных республиках.

У нас нет недостатка в разговорах об общих проблемах детской литературы. Настала пора решать эти проблемы конкретно — при рассмотрении каждой новой книжки для детей, каждого отдельного стихотворения, работы каждого в отдельности писателя. Необходимо повысить уровень творческой и редакторской работы над книгами для детей. Большую помощь здесь может оказать Главлит Министрства культуры РСФСР, если он возьмется за конкретное дело — повышение уровня редакторских кадров. Без этого все наши разговоры об улучшении книг будут бесполезными.

Работа над каждой новой книжкой для ребят — это прекрасная, великая работа по воспитанию нового человека коммунистического общества. Пусть же все наши усилия соответствуют важности этой работы.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.

Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛКИН, Г. Д. ГУЛИЯ, Г. М. КОРАБЛЕВНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СЫРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»!

Если срок вашей подписки истекает в июне, не забудьте заблаговременно возобновить ее во втором полугодии 1960 года в отделении связи. Подписку на журнал можно оформить у общественных распространителей на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях и учреждениях.